

ФРУНЗЕНСКИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ

СОВЕТСКИЙ АКТЕР СЛУЖИТ НАРОДУ

Статья народного артиста СССР, орденоносца
ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА МОСКВИНА,
КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ СОВЕТА СОЮЗА

Родился я в 1874 году в Москве, в очень небогатой семье. Отец у меня был часовщик-мастер. Попробовал он с товарищем устроить мастерскую, но денег у него нехватило, и он поступил приказчиком к купцу Калашникову.

В семье было 8 человек. Меня и моего младшего брата (он на три с половиной года моложе меня, теперь — народный артист Союза ССР М. М. Тарханов) надо было учить. Я кончил городское училище, а брат — московское реальное. Отец за двоих не мог платить. Меня послали в городское училище и платили за меня десять рублей в год.

Кончил я школу. Вскоре отец умер. Купец Калашников сообщил: пятьдесят рублей дам матери, а за это Ваня (я, то-есть) пусть в моем магазине работает бесплатно, служит вроде как на побегушках.

И началась моя жизнь в магазине. Там служил лет пятьдесят мой крестный отец. Суровый был старик. Жил он в доме хозяина и, чтобы меня натренировать, сказал мне: «Ты будешь у меня жить, а домой будешь ходить только по воскресным дням». По воскресеньям магазин закрывался в два часа. Я ходил на несколько часов домой, и опять к нему. Как в тюрьме!

У него были две недурные комнаты, но он считал недостойным меня там держать: это — хоромы! Я спал в полуподвальном этаже. Тюфяк клали на пол, и мыши через меня бегали.

Утром ехали мы в город открывать магазин. Что это был за ритуал — открытие магазина! К 9 часам все приказчики и мастера полукругом стояли около заднего крыльца магазина. Хозяина, как архиерея, вели под руки. Вся толпа расступалась и низко кланялась.

Крестный пил утром чай у себя, а я внизу с мастерами. Пили по достатку — кто с черным, кто с белым хлебом. В час дня он мне давал 10 копеек. Это за целый день работы.

Так продолжалось год.

Освободился я так. Зять мой служил на чугунолитейном заводе и взял меня туда в сортировщики. Дали мне 25 рублей жалованья. Служил там около года. Жизнь была тоже трудная. Работал летом с 5 часов утра до 7 вечера, а зимой с шести до восьми. Четырнадцать часов! Год я так терпел.

Еще когда я служил у Калашникова, мы путя ставили спектакли, сами писали декорации, делали костюмы. Человек тридцать зрителей набиралось: родственники, жильцы. Некоторые из них говорили моей матери: «Ваня — способный человек; может быть, ему надо учиться в драматической школе».

Но в частной школе надо было платить 150 рублей, а в императорскую школу, которая была при Малом театре, было очень трудно поступить.

Я стал упрашивать мать: хочу быть актером. Решили так: даст крестный 150 рублей — учись, не даст — и не думай. Все-таки дал он мне денег. Это я его «кушыл» за то, что безропотно прослужил у него год, вроде как послушник при монастыре.

На экзамене в государственной школе Малого театра я «провалился». В частной школе, где требовали 150 рублей, меня приняли, но успехи мои первые были неважные. Со стихами у меня ничего не выходило. Мне говорили: «Москвин, из вас никакого толка не выйдет, никаких данных нет. Придется покинуть школу». Но во втором полугодии мы начали учить прозу. Это у меня получалось лучше, и на третьем семестре мне уже дали маленькую роль.

Когда я был на втором курсе, группа учеников поехала для заработка в Златоуст, потом в Ефремов. Меня взяли с собой. А в Ефремове на огороде стоял сарай, в этом сарае — маленькая сцена, керосиновые лампы. Три музыканта каждый вечер сидели на огороде и играли польки и марши. Тут я близко познакомился с актерским миром.

Был такой случай. Репетиция очень важная, а актера, занимающего первое положение, нет. Оказывается, он связан с каким-то купцом, который платил ему за смешные рассказы. А когда купец ехал на извозчике, он должен был рядом идти с метлой. За все это купец платил ему. Вот чем подчас актеры зарабатывали деньги!

Когда я кончил училище, поехал в Ярославль. Потом я попал к Коршу, там играл всякую ерунду — водевили. Потом поступил в Художественный театр, сыграл удачно царя Федора и с тех пор играю.

Вот и вся моя жизнь. Вся она — в моей работе, в моем искусстве. Живу я очень давно. На своем веку я многое видел, многое слышал, многое пережил. Может быть, именно поэтому я особенно остро и ярко чувствую чудесную разницу между жизнью старой России и жизнью великой Страны Советов, разницу, которой не может не чувствовать ни один человек, испытавший убожество старой жизни и видящий чудесные краски новой.

Я буду искренним и правдивым до конца. Я с радостью принял революцию. Но, когда началась беспощадная ломка старого уклада нашей жизни, полная ее переоценка, я, грешным делом, по-обыкновению, маленько растерялся. Мне надо было

И. М. Москвин.

Фото А. ЕГОРОВА.

взглянуть, вглядеться в большевиков — что это за люди, что за племя?

Пришел в театр новый, необычный зритель. В Художественном театре с первых же дней он держал себя дисциплинированно, слушал пьесу на редкость внимательно, реагировал на происходящее умно, толково.

Потом начались концерты в государственных и общественных учреждениях, где приходилось встречаться с большим количеством партийцев. Знакомился, разговаривал — люди серьезные, болтать не любят, театром, моим кровным делом, интересуются, говорят о нем деловито, придают ему огромное государственное значение.

Приехал однажды Владимир Ильич Ленин к нам в театр, дал хороший отзыв о спектакле и в списке театров нас поставил в первую голову. Все это вместе взятое заставило меня взглянуть из «конуры».

Тот, кто не закрывал глаз и ушей, тот не мог оставаться равнодушным к происходящему вокруг. Взять хотя бы искусство наших народностей. Ведь оно веками лежало под спудом. Надо было притти большевикам, чтобы освободить его и показать всему миру, на что способен истинно свободный народ.

«Советская власть», «советский гражданин» — эти слова двадцать лет тому назад вошли в нашу жизнь и стали общими. Мы уже их выговариваем просто, а попробуйте остановиться на них и вдуматься в их смысл, ведь в них — огромная глубина и сила. Прежде, когда спрашивали кого-нибудь из нас: «Кто вы?» — отвечали: «Я — русский», «я — украинец», «я — еврей», «я — белорус». А теперь, хотя все это и остается, но я отвечаю: «Я — советский гражданин». И у этих слов уже другой удельный вес, потому что за спиной у меня стоит 170 миллионов единого народа плюс товарищ Сталин, а эту силу «170 миллионов плюс товарищ Сталин» знают очень хорошо и на Западе и на Востоке. Удельный вес слов «советский гражданин» огромен. Каким же должен быть каждый из нас, чтобы с честью носить имя советского гражданина?

Будем мудрыми и честными, заглянем внутрь себя и проверим: всегда ли мы в своей жизни бываем достойными гражданами Союза? Всегда ли мы исполняем свой долг перед страной? Честные люди,

мы честно делаем свою маленькую или большую работу, но для советского гражданина, который хочет быть достойным Великой Сталинской Конституции, этого мало.

Нужно включить себя всего во все строительство новой жизни. Если ты талантлив, добросовестен, хорошо знаешь свое дело, ты должен не только сам работать, но и помогать другим догонять себя и не забывать, что ты — неотъемлемая часть своей родины, ты — кузнец человеческого счастья, строитель социализма.

Некоторые думают: ну, у меня маленькая рядовая работа; она не имеет существенного значения

для страны. Это жестоко неверно. Всякая, даже маленькая работа, сделанная предельно добросовестно, помогает украсить нашу страну, а плохая работа разлагает тебя, твоих товарищей, все дело. Порча одного винтика часто выводит из строя всю огромную машину. И наоборот. Сумел же Алексей Стаханов, будучи рядовым шахтером, возвести вырубку угля в дело доблести и героизма и своей ударной работой породить тысячи героев труда.

Я не могу оставаться равнодушным к чудесным словам Сталинской Конституции: «Вся власть в Союзе ССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице советов депутатов трудящихся». В Кремле, будучи делегатом Чрезвычайного VIII Съезда Советов, я был свидетелем того, как трудящиеся города и деревни входили в Кремль, во дворец, в зал заседаний. Шли хозяева страны, с глубокой серьезностью, простотой, с сознанием важности момента. Простые женщины входили во дворец так же просто, уверенно, смело, как в свою избу, в свой сельсовет. Они внутренне создавали, что Кремль — это их дом, это их дворец.

Мы все — весь народ — живем одними чувствами. Если аплодисменты, то аплодируют все. Если возмущены, то возмущены все. Это производит огромное незабываемое впечатление. Такому народу надо отдавать всего себя, искренно, со всем своим опытом и талантом. Мы должны нести бодрость и радость в жизнь, помогать культурному строительству страны, помогать росту нового человека, неустанно звать его к победам, к новым достижениям, учить ненависти к врагу, чтобы скорее построить то бесклассовое общество, к которому зовет нас партия, наш вождь.

Если народ окажет мне честь и избереет меня депутатом Верховного Совета — я буду очень счастлив. Я не знаю, достоин ли я этой чести, но одно знаю — буду бороться за великое дело Ленина — Сталина до конца дней своих. И вдохновлять, учить, вести меня, как и всех нас, будет Сталин.

Сталин — кто он для нас? Он для нас — все. Он — наша гордость, наша мудрость, наша любовь. Он — олицетворение нашего счастья, нашей радости, нашей свободной жизни. Имя его войдет в века. Мы гордимся тем, что живем в один век со Сталиным. Слава его — это и наша слава.